

**М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И А. С. ПУШКИН
(ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СТИХОТВОРЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПАРУС»
И СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «ТУЧА»)**

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» (1832) и стихотворение А. С. Пушкина «Туча» (1835 г.) относятся к жанру пейзажной лирики. Сравнение их позволяет установить степень сходства художественных образов Пушкина и Лермонтова и выявить своеобразие творческого мышления поэтов. Известные основания для сопоставления названных стихотворений дает композиция романа Лермонтова «Герой нашего времени».

Обратимся к части II «Журнала Печорина» — «Княжна Мери». Она характеризуется сюжетным и композиционным единством. В ней можно отметить рамку, которая составляет из первого и последнего абзацев повести. Оба они содержат пейзажную зарисовку, и тот, и другой объединяются тем, что в них присутствует настроение Печорина.

Конец первого абзаца:

«...Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? Зачем тут страсти, желанья, сожаления?..»¹

Последний абзац:

«И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...» (с. 682).

В этих абзацах через пейзаж сопоставляются возможности и реальная жизненная судьба Печорина.

Последний абзац повести «Княжна Мери» содержит художественный образ паруса, который является основным и самостоятельным в стихотворении Лермонтова «Парус». Как обобщенное изображение человека-бунтаря, он синонимичен образу матроса из приведенного абзаца, благодаря чему и образ Печорина можно рассматривать как одно из возможных конкретных воплощений паруса.

Связь первого абзаца повести «Княжна Мери» со стихотворением «Туча» доказывается прямым цитированием, которое говорит о том, что образы Пушкина органично входят в сознание Печорина: «На запад пятиглавый Бешту синее, как «последняя туча рассеянной бури...» (с. 618).

Стихотворения «Парус» и «Туча» объединяются темой одиночества героя, которая естественно возникла в обстановке после подавления восстания декабристов. Образ бури в них — традиционное обозначение общественных революционных потрясений. Однако оба произведения шире породив-

шего их общественного контекста. Образы их — символы жизненной ситуации, общественной и личной.

В стихотворениях «Парус» и «Туча» мы видим два образа мира: бурю и покой, которые противопоставлены друг другу. Буря — желанное, естественное состояние для паруса и тучи. Картины покоя в природе могут быть истолкованы как мечта о гармонии и счастье, отсутствующих в жизни героев. Ведь в жизни общества буря не дала желаемого результата. Эти пейзажи гармоничной природы находят соответствие в пейзажах рамки «Княжны Мери».

В заключительной строке «Паруса»: «Как будто в бурях есть покой» — выражается философский закон диалектического развития жизни, находящейся в вечном движении. В природе буря сменяется штилем. И то же самое море преобразуется из лазурного и безмятежного в свою противоположность, то есть в покое есть буря. В стихотворении Пушкина «Туча» такой переход состояний дан в образах бури и ветра, который «ласкает листочки древес». Композиционно эта мысль воплощается в кольцевой структуре обоих стихотворений. Первые и третьи строфы — картины покоя. Вторые строфы — картины бури.

Мысль о единстве противоположностей в природе и об их диалектическом развитии распространяется и на сферу внутреннего мира человека. Но, в отличие от природы, состояния «бури» и «покоя» в человеке могут не только следовать одно за другим, но и совмещаться одновременно в одном герое. В романе «Герой нашего времени» Печорин говорит о себе: «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его...» (с. 671). Таков и лирический герой в стихотворении «Парус». Он включает в себя и образ автора (размышления), и образ паруса (действующее начало). Раздвоение героя отражается в самой композиции стихотворения: образ паруса нарисован в первых двух строках — картине природы.

Белеет парус одинокой

В тумане моря голубом!.. (с. 115).

Образ автора возникает в следующих двух строках строфы — в размышлениях:

Что ищет он в стране далекой?

Что кинул он в краю родном?..

Затем, однако, эти соответствия становятся более сложными. Счастье для паруса — буря, счастье для автора — покой, гармония природы. Эти две разные точки зрения сталкиваются в стихотворении. Ответом на вопрос: «Что ищет он?

в стране далекой?» является картина бури, которая воспринимается парусом как родная стихия. Он откликается на ее зов.

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...

Мы видим полную гармонию между бурей и парусом: играют волны — мачта гнется, ветер свищет — мачта скрипит. Но эта же самая картина с точки зрения автора воспринимается и оценивается иначе. Наступает эмоциональный перелом, следует сожаление:

Увы, — он счастья не ищет...

Следующие слова четвертой строки: «И не от счастья бежит» — являются ответом на вопрос: «Что кинул он в краю родном?..» Они оценивают то, что «кинул» парус, с его точки зрения, но не с точки зрения автора. Оценка автором того, что «кинул» парус, содержится в следующей далее картине природы:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...

Отношение автора выражено эпитетами, которые несут эмоционально-экспрессивный, оценочный характер. Несомненно перед нами идеал автора.

Таким образом, картины природы, противопоставленные друг другу (буря — покой), обрамляют столкновение разных точек зрения, выраженное средствами медитации в третьей и четвертой строках второй строфы. Параллельная композиция первой строфы преобразуется в композицию внутреннего пейзажного кольца. У паруса и автора меняются средства выражения их точек зрения (пейзаж и медитация).

Далее столкновение точек зрения автора и паруса максимально усиливается в пределах одной стихотворной строки: «А он, мятежный, просит бури...» Здесь окончательно проясняется позиция паруса («просит бури») и его оценка с точки зрения автора — «покоя» — «мятежный». Вслед за этим столкновением следует вывод: «Как будто в бурях есть покой!» — который объединяет противопоставленные ранее идеалы паруса и автора. Этой же цели объединяющие служат грамматическое значение настоящего времени, «постоянного» в картинах бури и покоя, и расположение пейзажей по кольцу.

Единство лирического героя, воплощениями которого в равной мере являются парус и автор, подчеркивается тем, что зрительный образ паруса в третьей строфе исчезает, заменяясь обобщенным местоимением «он». Налицо градация:

«белеет парус» (1 строфа) — «мачта» (2 строфа) — «он» (3 строфа). В то же время парус постепенно обретает речь: мачта «скрипит» — парус «просит бури». В последней строке стихотворения сливается воедино мысль паруса и автора.

Объединение образов паруса и автора происходит также благодаря пространственным перемещениям автора². Взгляд автора сначала направлен на парус издали (1 строфа). Во второй строфе автор приближен к парусу, слышит скрип мачты и видит ее движение. В третьей строфе он — на месте паруса, направление его взгляда — вертикаль зрительно исчезнувшей мачты: «под ним... над ним».

Единство противоположных идеалов (буря — покой) в сознании одного лирического героя разрешается в стихотворении как предпочтение бури при сохранении идеала гармонии в образе покоя, как выбор активного пути поиска в жизни.

Рассмотрим стихотворение А. С. Пушкина «Туча». Образ лирического героя Пушкина так же сложен, но сложность его раскрывается несколько иначе. Он равнозначен образу автора, который от состояния и ощущений тучи (1, 2 строфы) переходит к точке зрения ветра (3 строфа). Вначале автор рядом с тучей, затем он стремится взглянуть на нее отрешенно, в более широком временном плане. О совпадении образа героя с образом ветра говорит равнозначность авторских слов, обращенных к туче: «Довольно, сокройся!» — и того, что сказано о ветре и туче: «И ветер... тебя с успокоенных гонит небес».

В стихотворении Пушкина, как и в стихотворении Лермонтова, мы видим психологическую раздвоенность героя. Она передана разным временным ритмом и разными значениями категории вида глагола. Ритм тучи — 1 и 2 строфа — замедленный, когда каждый момент следует за другим постепенно. В первой строфе — это нарастание эмоционального контраста.

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день³.

Во второй строфе передана временная последовательность грозы:

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Глаголы первой и второй строфы — все несовершенного вида, то есть со значением действия, длительность которого не обозначена пределом. Все они, кроме первого, переходные и представлены в активной конструкции, где субъектом (в 5 случаях из 6) является туча. Автор погружен в мир действующей активно тучи.

Иное мы видим в третьей строфе:

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась...

После ритмического обрыва в начале третьей строфы картина бури как бы просматривается второй раз, но с точки зрения широкого временного контекста и в убыстренном ритме, который создается тремя однотипными предложениями. Здесь все глаголы — совершенного вида и имеют общее значение предельности действия.

Последние две строки стихотворения дают образ ветра-времени в замедленном ритме тучи, возвращая читателя из мира воспоминаний в настоящее время:

И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Активная синтаксическая конструкция тучи из первой строфы теперь сменяется активной синтаксической конструкцией ветра, вместо контраста мы видим гармонию отношений.

Выбор, который делает герой Пушкина, прямо противоположен выбору паруса — это мир покоя. В то же время в героях Пушкина и Лермонтова много сходного: герой стихотворения «Парус» отрицает остановку в настоящем, герой стихотворения «Туча» отрицает остановку в прошлом, даже если это прошлое — желанная буря. Оба они одинаково признают закон движения времени. Ветер активен, ритм его изменчив. Но у героев Пушкина и Лермонтова разные точки отсчета времени. «Туча» — это прежде всего подведение итогов прошлого в настоящем. Парус начинает с настоящего времени — с момента покоя — и весь устремлен в будущее. В известном смысле образы лирического героя стихотворения «Парус» и стихотворения «Туча» — это один и тот же тип героя, который взят в разные моменты его жизни.

Итак, в стихотворении «Парус» и в стихотворении «Туча» присутствуют два образных плана — прямое и переносное значение пейзажа. Природа в них является средством постижения общих закономерностей жизни и идеалом гармоничных отношений для человека. Дисгармония в пейзаже связана с переключением в человеческий образный план и символизирует дисгармонию отношений героя с обществом, вечную неуспокоенность в его исканиях.

Лирический герой «Тучи», который отстраняется от состояния бури, близок в этом отношении Печорину, каков он в начале «Княжны Мери». Лирический герой «Паруса» близок Печорину, каков он в конце повести «Княжна Мери». Психологическая сложность, склонность к анализу, стремление понять смысл событий прошлого и настоящего — все это роднит образ Печорина с образами лирических героев Лермонтова и Пушкина.

Примечания

Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. — М.: ГИХЛ, 1972, с. 619. В дальнейшем ссылки будут даны на это издание в тексте с указанием страницы.

2. Об изменении точки наблюдения автора в стихотворении «Парус» говорит С. Ломинадзе в статье «Я счет своих лет потерял...» (некоторые проблемы поэтики Лермонтова) — Вопросы литературы. М., 1975, № 3, с. 120.

3. Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Сказки. — М.: ГИХЛ, 1977, с. 255.

Л. Е. ХОЛОДИЛОВА